Валерий ШАРАПОВ

ТРОПА изменника

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Тропа изменника / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-235380-2

Начало девяностых. Советский Союз – на грани развала. Силовые структуры изо всех сил стараются спасти свои кадры. Майор КГБ Андрей Кравцов получает задание вывести из-под удара особо ценного агента с псевдонимом Сириус, работающего в структуре Ми-6. Под видом секретаря посольства Андрей вылетает в Лондон и, к своему удивлению, узнает, что Сириус – это молодая симпатичная женщина, которой грозит смертельная опасность. У нее на руках компромат на члена британского парламента, вхожего в королевскую семью. Кравцов решает вывезти агента по каналу, установленному одним из его старых товарищей. Но майор не учитывает одного: в это смутное время вчерашний друг легко может стать предателем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235380-2

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Район был неплох — административный округ Льюшем в юго-восточной части внутреннего Лондона, петляющая Эвенсон-роуд. Преобладала невысокая кирпичная застройка. Двери в жилища — прямо с улицы, лестницы с витыми перилами, плющ. Много зелени — ясени, клены. В путеводителе было сказано, что в Лондоне без малого девять миллионов деревьев, то есть у каждого жителя есть свое собственное дерево. Кравцов сбавил темп, восстанавливая в памяти путаную схему городских улиц. На севере в двух верстах — бурная Темза, с мостами, баржами, портовыми кранами; на дальнем берегу — Вестминстер, Тауэр, прочие туристические удовольствия. А здесь — тишина, утроба Лондона. За спиной остались красивые викторианские и георгианские особняки, церковь Пресвятой Девы Богородицы. Если двигаться прямо, упрешься в Блэкхит, разделяющий районы Льюшем

и Гринвич. Где-то здесь путался под ногами нулевой меридиан, скрывался в глубине кварталов Лондонский университет. Улица карабкалась на холм, показалась решетка сада, увитая вездесущим вьюном. Календарное лето подходило к концу, но приметы осени еще не выявлялись. Зеленела листва, пестрели цветы в клумбах и на подоконниках. Попадались горожане с постными лицами — одетые неброско, но и недешево. Иногда в район забредали туристы. Андрей ускорился — дела ждали. Элегантный мужчина в добротном костюме и тонкой ветровке внимания не привлекал. Только женщины иногда оборачивались. Дышалось на удивление легко — обильная зелень боролась со смогом, наползающим из промышленных районов. Утром прошел дождь, лужи еще блестели на брусчатке.

За перекрестком Эвенсон-роуд расширилась, пошли магазины, лавочки. Выстроились в шеренгу телефонные будки — обязательно красные, недавно обновленные: краска блестела в лучиках мутноватого солнца. С достоинством проехал лондонский кеб — местные таксисты никуда не спешили. Вывернул из-за угла двухэтажный автобус — такой же красный, как будки таксофонов, и такой же неизменный атрибут современного Лондона. Кравцов подобрался, наступало время работы. Хотя со стороны могло почудиться, что человек просто гуляет. Справа показался паб с широкими окнами, обрам-

ленный гортензией и местным боярышником. Заведение работало, на крыльце курили представители рабочего сословия, общались на сленге — он, кажется, назывался «кокни». Время глубоко послеобеденное, конец рабочего дня — можно и по пиву. Через дорогу — вытянутое жилое здание из красного кирпича, одноэтажное, но с парой «скворечников». Номер дома отчетливо выделялся на табличке. Ничего подозрительного. Женщина средних лет стояла у окна, поливала фикусы на карнизе. Девушка выгуливала смешного бульдога — животное забавно косолапило, розовый язык свешивался до земли. Вести активную жизнь этому бедолаге не позволял избыток жировой массы. Прохожие шли по своим делам. Курильщики выбросили сигареты, вошли в паб. Курить в пивной не возбранялось, видимо, любители свежего воздуха. Он тоже поднялся на крыльцо, закурил. Простоял несколько минут, ведя скрытное наблюдение. За домом могли следить из паба, но вряд ли это метод британской контрразведки. Да и зачем следить за своими же сотрудниками у их собственного дома?

Но привычки работали и порой спасали. Андрей бросил окурок в урну, передумал заходить в паб, отправился дальше. Через двести метров возник перекресток со светофором. Кравцов дождался зеленого света, пересек дорогу и двинулся в обратном направлении. Навстречу проехал двухэтажный автобус.

Остановка находилась дальше, за искомым домом, там автобус ее уже проехал. Объект с работы прибывал именно на ту остановку, личным транспортом не пользовался. Автобус был заполнен едва на треть, странно: час пик в огромном городе, а общественный транспорт бегает налегке. В Москве бы с подножек свешивались. Кравцов прошел мимо пары зданий. У искомого дома был разбит садик — он просматривался насквозь и подозрений не вызывал. Паранойя включилась? Девушка и бульдог уже нагулялись. Женщина, видимая в окне, ухаживала за фикусами — впрочем, другая женщина и в другом окне. Андрей поднялся на крыльцо, позвонил. Вблизи все было проще — перила облезли, кирпич заплесневел. Вечная сырость делала свою работу. Никто не отзывался. Он позвонил еще раз, взял в другую руку «деловую» папку в коленкоровом переплете. Для того чтобы пустить пыль в глаза, требовался реквизит. Высунулась женщина из окна — она как раз закончила работу и предавалась скуке. Посмотрела с интересом. Она еще не вступила в ту пору, когда видные мужчины кажутся пустым местом.

— Добрый день, мистер, боюсь, вам не повезло. — У соседки был игривый, немного скрипучий голос. — Полагаю, миссис Кларк еще не вернулась с работы. Но скоро обязательно вернется. Вам ведь она нужна? — Соседка высунулась настолько, что уже рисковала вывалиться из окна.

— О, вы совершенно правы, мэм. — Андрей ослепительно заулыбался. — Какая жалость, но что поделать, придется подождать. Моя фамилия Гудвин, мэм («великий и ужасный», но озвучивать не стал, тем более по-русски), я представляю юридическую контору «Фуллертон и сыновья». Миссис Кларк нужна нам по формальному поводу — отсутствует подпись на старом документе, который сдается в архив. Сущий пустяк, но вы же знаете принципиальность наших чиновников.

— Прекрасно вас понимаю, мистер, — откликнулась соседка. — Но я бы употребила другое слово. Ну что ж, такая у вас работа, от души сочувствую. Миссис Кларк скоро придет, не сомневайтесь. Если хотите, можете подождать у меня. — Соседка смутилась, но не очень. — Крыльцо рядом, можете не стучать, я как раз собралась пить чай.

Он давно подозревал, что воспетое классиками английское пуританство — просто миф. Его придумали сами классики. Или прикрытие — как у разведчиков. С низменными страстями у жителей королевства все в порядке.

— О, мэм, прошу меня простить, — рассыпался в извинениях Кравцов. — Большое спасибо за предложение, но я пойду, начальство ждет. Возможно, еще вернусь. Кстати, сегодня никто не приходил, кроме меня, к миссис Кларк? Дело в том, что у нас такая неразбериха, многие сотрудники, особенно

неопытные, хватаются за несколько дел одновременно...

— Нет, мистер Гудвин, — вздохнула соседка. — Кроме вас, никто не приходил. Но я же не всегда в этом окне...

— Всего доброго, мэм, — раскланялся Кравцов.

— Мистер Гудвин, — окликнула гражданка, когда он спустился с крыльца.

— Я весь внимание, мэм.

— У вас необычный акцент. Вы же не коренной житель Лондона?

— Ни в коем случае, мэм. Вы чрезвычайно наблюдательны, мэм. Большую часть жизни я провел в канадской провинции Квебек, где с английским языком обращаются очень вольно. Пятнадцать лет назад скончался мой двоюродный дядюшка по отцовской линии, от него осталась квартира в округе Ламбет, и мы переехали в Лондон. К сожалению, свой ужасный акцент пришлось взять с собой, и он почти не изменился.

— О, мистер Гудвин, примите соболезнования по поводу вашей тяжелой утраты...

— Ничего страшного, мэм, это было так давно...

«И неправда», — просилось на язык. Он приподнял воображаемый котелок и, не оборачиваясь, двинулся прочь. Повернул направо, добрался до перекрестка, пересек Эвенсон-роуд и через пару минут вошел в паб, присел за столик у окна. Отсюда нуж-

ный дом был как на ладони. Соседка закрыла окно и ушла пить чай, хотя традиционный файв-о-клок[1] давно миновал. Вид иногда загораживали плетущиеся фургоны и автобусы. В заведении оказалось уютно. Дубовые столы, темно-кремовые стены. За стойкой в окружении кег, бутылок и хитроумных наливных устройств колдовал бармен. Вращающиеся табуреты дополняли комфортную обстановку. Над стойкой приглушенно работал телевизор. Зал был полупуст — любители пенных напитков еще не подтянулись. Общались мужчины в тесном кругу, попивали пиво из массивных кружек. Хихикала дама на другой стороне полутемного зала. Ее развлекал субъект брутальной внешности — явно не профессор Оксфорда. Англичанки Кравцову не нравились — слишком холодны, худосочны, некрасивы. Но эта была ничего. Видимо, эмигрантка. У дома под номером 43 по Эвенсон-роуд было тихо. На крыльцо никто не поднимался. По телевизору показывали местные новости. Ничего «горячего», выступали какие-то деятели, вяло бубнили, не хотелось даже вслушиваться. В Британии давно прекратились стачки, митинги, протесты. Рабочий класс перестал возмущаться своим бесправным по-

[1] Файв-о-клок (*англ.* five o'clock tea) — традиционный для Великобритании полдник с чаем и легкими закусками, также известный как пятичасовой или послеобеденный чай.

ложением. Закончились конфликты, кризисы. Маргарет Тэтчер огнем и мечом прошлась по недовольным, навела порядок и вышла в отставку. Консерватор Джон Мейджор пожинал плоды ее деятельности и неплохо себя чувствовал в кресле премьер-министра.

— Вам какое пиво принести, мистер? — прозвучал над душой голос. Андрей вздрогнул. Неслышно подкралась молодая работница заведения — в фартуке и со взрывом на голове, который язык бы не повернулся назвать прической. Она с интересом разглядывала посетителя. Можно подумать, за ним парашют волочился!

— Просто кофе можно?

— Можно. — Официантка задумалась. — Но зачем?

Вопрос был явно философский. Кравцов улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

— Давайте все же попробуем? Работаю, мэм, пока не могу. Может быть, позднее. Американо, пожалуйста. И десерт на ваше усмотрение.

— Есть пудинг. — Официантка вздохнула. — А еще круассаны, если вы француз. Но вы же не француз? Вот бы мне такую работу... — Она опять сокрушенно вздохнула.

— Что даже пива выпить нельзя? — удивился Кравцов. — Это ужасная работа, мэм, уж поверьте. Старайтесь избегать подобных.

Странно, но шутку она поняла, засмеялась и ушла. Заказ доставила быстро — большую чашку черного кофе и кусок пудинга на блюдце. Андрей жевал, уставившись в окно. Сидевшие за дальним столиком взорвались от смеха. Веснушчатый здоровяк в шерстяной рубашке ляпнул что-то веселое. Работа и вправду была хреновая. Ни выходных, ни отгулов. Выпить он мог — но только в конце дня и немного. Вдруг опять куда-то бежать? Майор Кравцов, сотрудник 2-го Главного управления КГБ СССР, вылетел в Лондон 16 августа текущего, 1991 года. Согласно легенде, дипломатический работник, заместитель секретаря посольства, специалист по протокольным мероприятиям. Проживал в дипмиссии на Кенсингтон-Палас-Гарденс — и практически ее не покидал, вместе с офицерами из технического отдела копался в секретных материалах. К англичанам перебежали два сотрудника Комитета, они занимались экономической разведкой. Последние три месяца они работали в посольстве, оттуда и сделали ноги. Агенты МИ-5 разводили руками и приятно улыбались — в соответствии с новыми веяниями. Но очевидный факт не признавали. Одного из офицеров впоследствии нашли под автомобильным мостом Альберта — вернее, его тело. Сбросили в воду, но труп офицера вплыл и зацепился за штырь арматуры. Второго не нашли, и в МИ-5, похоже, реально не знали, где он. Или знали, но не все. В задачу Кравцова входило оце-

нить ущерб. Пару лет назад это имело бы смысл, но сейчас — когда страна напоминала корабль, пробитый ниже ватерлинии... Какой в этом резон? Команда бегает по палубе, насос для откачки воды сломался, заделывать пробоину нечем... Какое-то время он еще продержится на плаву, а затем — утюгом на дно... Кравцов выполнил свою работу, итог оказался неутешительным, доложил начальству. «Вылетайте, — ответствовали из Москвы. — А то сидите в своем Лондоне, а в Союзе такие дела происходят...» Он был в курсе, Великобритания не самая отсталая страна, есть пресса, телевидение. Пусть что-то и выворачивают, но «медицинские» факты не вывернуть. Кравцов уже заказывал билет, но пришел новый приказ: вылет отложить.

Разговор с генералом Григорьевым происходил в подвале дипмиссии по защищенному каналу. Голос генерала звучал так, словно он сидел за стенкой. «Отставить, майор. Без тебя переживем эти чертовы катаклизмы. Задерживаешься в Лондоне на неопределенный, надеюсь недолгий, срок». Задача — вывести из-под удара особо ценного агента Москвы с псевдонимом Сириус. Это женщина, Элеонора Кларк, 34 года, работает в МИ-6[1], замещает началь-

[1] МИ-5 и МИ-6 — британская разведка. МИ-5 фокусируется на внутренних угрозах, а МИ-6 — на внешних.

ника отдела постановки задач и подготовки разведданных Директората оперативной работы. Работница незаменимая, несколько лет сливает в Москву особо ценные сведения из недр британской внешней разведки. Живет одна, хотя в природе есть бывший муж, ребенок и больная мать. Адрес, пароль, приметы агента, из которых самая явная — родинка на правой щеке. У Сириуса непростая ситуация — ее контакт из советского посольства трагически погиб несколько дней назад. Автомобильная авария, криминала нет, местный наркоман протаранил машину своим внедорожником. Наркоман был угашен в хлам, сам переломался и находится в коме. Трагическая случайность. Сириус об этом не знает и в данный момент дезориентирована. Есть еще один неприятный аспект: кремлевская шпионка находится под колпаком у агентов МИ-5, чего сама не знает. Еще вчера она была на свободе, ее пасли, но не брали, возможно, ждали контакта со связником. Информация о провале агента достоверна — сведения предоставил надежный источник в МИ-5. Возможно, уже поздно и миссис Кларк взяли. Что на уме у правительственных агентов? Но если нет, дамочку надо срочно спасать. Забрать, где бы она ни находилась, доставить в посольство, что тоже может стать проблемой, — и обеспечить ее безопасность. В дальнейшем — проработать механизмы по вывозу особы. Для начала — с острова, далее — в Советский Союз.

Накопились вопросы. С чего такой ажиотаж? Да, русские своих не сдают, сам погибай, а товарища выручай. Но все-таки? Агент провален, бесперспективен.

«Популярно объясняю, Кравцов, — ворчливо вещал генерал Григорьев, — чтобы знал и не задавал вопросов. А то ты, приятель, как Маугли — любого достанешь. Первое: агент Сириус передала нам не все сведения, что у нее имеются. Она такая, любит подстраховаться. Но это не главное. Сириус держит на коротком поводке — считай, на компромате — высокопоставленного члена палаты общин — нижней палаты хваленого британского парламента. Причем вцепилась в него крепко и умно. Если тот надумает нашу барышню устранить, то компромат всплывет. Этот сэр может и не знать, на кого работает, просто снабжает нашу героиню информацией. Она правдива — неоднократно проверяли. Печаль в том, что мы не знаем имя этого господина, можем только предполагать с разной степенью вероятности. Сириус держит это имя в секрете, оно известно только ей. Считает, что в этом ее гарантия безопасности, и со своей колокольни права. Не пытать же ее, верно? Что бы ни происходило у нас в стране, какими бы друзьями мы ни стали с англосаксами — это ненадолго. Не быть нам друзьями. В войну с нами союзничали — через не могу, чтобы Гитлер их не сожрал. Свой человек в британском парламенте — никогда не лишний. Да, в апреле выборы, победит ли

он снова — вопрос интересный, но в любом случае останется влиятельным и компетентным. Так что отнесись к заданию серьезно».

Было даже время поразмыслить. Высокий чин парламента, работающий на КГБ, — это что-то новое. Такое вскроется — скандал потопит всю британскую верхушку. Спикер парламента? Это чересчур. Избирается из числа старейших и уважаемых депутатов — членами палаты нового созыва. Такое вряд ли возможно (хотя и хочется). Лидер палаты общин? Есть такая должность. Чем отличается от спикера — дело мутное. Вроде и член парламента, но одновременно представляет правительство. Клерк палаты — главный советчик по процедурным вопросам и главный исполнитель палаты? Должность какая-то... церемониальная, к тому же постоянная, и этот субъект — не член парламента. Ассистент? Еще одно должностное лицо, призванное блюсти закон, порядок и безопасность в зале. Что он может знать такого, чтобы КГБ рукоплескал? Ничтожная вероятность. Речь, скорее всего, о вице-спикерах парламента. Их трое. Достопочтенный мистер Блюминг, такой же мистер Кэрадайн и не менее уважаемый мистер Райли. Чем они там вообще занимаются?

И как вообще это государство может обходиться без конституции?

Он выпил кофе, заказал чашку чая. Часть пудинга осталась несъеденной. Работница пожала плечами,

но пошла выполнять. Элеонора Кларк домой не шла. Задержалась на работе. Или зашла в магазин. Или уже за решеткой — думает о своем поведении. Становилось неспокойно. Но вряд ли ее будут брать на работе. Разведывательному сообществу стоит беречь свою репутацию. А также лицо государства. В стране есть все: красивые районы, парки, жизнь налажена веками, и никому не приходит в голову, что капитализм — это плохо, а общество народной демократии — хорошо. Так, отдельные недостатки: грязь вдали от туристических маршрутов, кварталы на окраинах, где лучше не появляться, запутанность с налогами, с медицинским обеспечением. В СССР уже несколько лет восхваляют западное общество. И не посадишь — уже хвалить можно. Сначала робко, потом все громче, теперь уже в полный голос. Покушаются на самое святое, для чего и создавался Советский Союз. Доля здравого смысла в этом присутствовала. Развитой социализм — явление непродуманное, построено криво. Главный бич — это скажут хором даже дети. На Западе тоже используют слово «дефицит». «Дефицит внимания», «иммунодефицит» — другие варианты. То, что вкладывают в это слово в СССР, даже в голову не придет. Только пальцем у виска покрутят: у вас там что, экономики нет? Есть же, и даже мощная. Вон какие комбайны и карьерные экскаваторы выпускаем. Вернее, выпускали. То, что сейчас творится на шестой части суши, не поймет никакой эко-

номист. Дефицит никуда не делся, зато можно купить кооперативные трусы за шестьсот рублей...

Страну, канувшую в прошлое, было искренне жаль. Далекую от совершенства, с замордованным населением, с тотальной нехваткой ВСЕГО, но такую близкую сердцу...

В Британии он чувствовал себя неуютно. Хотелось домой — пусть и в гущу событий. Время шло, Элеонора Кларк не появлялась. У дома ничего не менялось. Он мог выполнить свою задачу за час — отвезти агента в безопасное место. А другие пусть думают, как доставить объект в СССР — дипломатическим багажом, телепортацией, разобрать на детали, а в Москве собрать. По крупному счету, ему было наплевать...

Картинка в телевизоре внезапно изменилась. Все это уже было, Кравцов присутствовал на стихийной дискуссии в посольстве, где обсуждали эпохальные события. Знакомые кадры: Ельцин на танке Таманской дивизии — толкает речь, за спиной Дом правительства, который пафосно обозвали Белым домом. Под ногами у президента РСФСР — безграничная толпа... Кто придумал такой оксюморон[1]: президент

---

[1] Оксюморон — это стилистический прием, основанный на сочетании противоположных по значению слов. Он используется для создания выразительных образов, привлечения внимания к контрасту или парадоксу.

РСФСР? Большого ума, видать, человек. Нельзя совместить несовместимое. Снос памятника Дзержинскому на Лубянке (или все же на площади Дзержинского?) — под вопли ликующей толпы; танки на Красной площади — негодующие граждане обступили танкиста, что-то ему доказывают. А пацану от силы 19 лет, у него приказ, он вообще не понимает, что вокруг происходит. Учителя внушали, что нет ничего долговечнее Советского Союза... Кадры на экране сменялись, события в СССР комментировали аналитики, что-то доказывали с пеной у рта. Звук, слава богу, приглушили, да и собравшихся в пабе эта тема не волновала. У них свой мирок. Советский Союз катился в пропасть, а дорогу в ад, как всегда, мостили благими намерениями. Перестройка и гласность завернули не туда, подвели страну к опасной черте. Появилось ругательное слово «плюрализм». Два года назад рухнула Берлинская стена, приказал долго жить «неустрашимый» Варшавский договор. Холодная война закончилась полным разгромом социалистического лагеря. Отваливались республики, и уже никто не собирался подписывать в Ново-Огарево новый союзный договор. Все, что наметили западные стратеги, благополучно сбылось. Страна готова — расшатана, проедена гнилью, находится в перманентном кризисе. Верхи уже не могут, низы — не хотят. Силы, желающие сохранить страну, слабы и безвольны; их оппоненты — полны решимости.

Осталось нанести последний удар. Но нельзя так сразу, обрушишь монстра — до всех осколки долетят. Это понимали даже западные стратеги...

Не хотелось все это вспоминать. Но картинки из прошлого сами всплывали в памяти. В марте 90-го года отменили основополагающую статью Конституции под номером шесть — о руководящей и направляющей роли коммунистической партии. И началось: партия, дай порулить, все такое. Возникали, как грибы, какие-то смешные партии, общественные движения. Еще через год с хвостиком — закон СССР «Об органах государственной безопасности в СССР». Комитет уже не был инструментом партии. Закон обязывал сотрудников КГБ в своей работе следовать требованиям законодательства, а также закреплял их право не подчиняться решениям каких бы то ни было политических партий. Утрачивались ориентиры, люди не знали, как жить и работать дальше. Поднимала голову коммерция, и некоторые чекисты задумчиво изучали этот процесс, примеряя его на себя, — ведь зарплата устраивала не всегда... Начиналась неразбериха. Союзные органы власти тянули одеяло к себе, республиканские — перетягивали. Пересматривались отношения с Западом, переоценивались цели и задачи деятельности КГБ на международной арене. Соединенные Штаты уже не рассматривались в качестве главного неприятеля. Никто не возражал, но сдавать и рушить то, что нарабатывали десятилети-

ями... это было, мягко говоря, неправильно. Однако именно это происходило. Социалистического лагеря больше не существовало, Запад захватывал новые позиции, назревал однополярный мир, в котором Советскому Союзу отводилась роль вассала и сырьевого придатка...

18 августа начался путч. Власть перешла к ГКЧП (язык сломаешь) — Государственному комитету по чрезвычайному положению. Так они провозгласили. Во всех телевизорах страны — сплошное «Лебединое озеро», хотя никто не умер. В главных заговорщиках — первые лица КГБ, Минобороны, МВД, Центрального Комитета партии: Язов, Бакланов, Крючков, Янаев, Пуго. Испуганный Горбачев отсиживался в Форосе, ждал, чем все закончится. Армия двинулась в столицу, танки грохотали по центральным улицам. Народу это не нравилось, его спросить, как всегда, забыли. Вернуть страну — цель благая, но какую именно страну? Наелись за 70 лет, опротивело все, хотелось перемен. Переворот встретил мощное сопротивление. Толпы негодующих, самые безрассудные бросались под танки. Несколько человек погибли — впоследствии из них сделают национальных героев. К Дому правительства тысячами стекались сторонники Ельцина. Часть Таманской дивизии перешла на сторону РСФСР. Три дня продолжалось противостояние. Сказав «А», заговорщики так и не решились сказать «Б». Не хватило ни храбрости, ни